

УДК 343.833(470)"/.../1917"

DOI:10.22394/2225-8272-2021-10-1-114-120

Матвеева Евгения Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерус-
ский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г.Орел),
e-mail: evgmatveeva@bk.ru

ТЮРЕМНЫЙ СВЯЩЕННИК В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Аннотация. Целью статьи – является рассмотрение особенностей деятельности тюремных священников в системе исправления дореволюционной России. Исследование сводится к подробному анализу полномочий тюремных священников, которые устанавливались должностными инструкциям и регулировали их деятельность в процессе обучения заключённых основам религиозного вероучения для их нравственного становления. Анализируя материалы XIX – начала XX веков автор выявляет методы воздействия и увещевания на арестантов, основанные на их половозрастных особенностях. Результаты исследования дают возможность переосмысления данного опыта в современный период.

Ключевые слова: тюремный священник, методы наставления, пенитенциарная система России второй половины XIX – начала XX веков.

MATVEEVA E.S., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian In-
stitute of Management – branch of RANEPA (Russian Federation, Orel),
e-mail: evgmatveeva@bk.ru

PRISON PRIEST IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

Abstract. The purpose of the article is to examine the features of prison priests' activities in the penitentiary system of pre-revolutionary Russia. The study boils down to detailed analysis of prison priests' powers, which were established by job descriptions and regulated their activities in the process of teaching prisoners the basics of religious doctrine for their moral formation. Analyzing the materials of the 19-th - early 20-th centuries, the author identifies the methods of influence and admonition on prisoners, based on their gender and age characteristics. The research results make it possible to rethink this experience in the modern period.

Keywords: prison priest, methods of instruction, the penitentiary system of Russia in the second half of the 19-th – early 20-th centuries.

За многовековую историю тюремного де- ствовал появлению новых взглядов в системе
ла, именно екатерининский период поспособ- исправления. Стремление перевоспитать за-

ключённого, используя, в том числе и религиозные методы воздействия, было отличительной чертой периода просвещения. Теперь представители власти начали обращать внимание на условия содержания заключённых, их питание, разделение содержания в соответствии с содеянным и т.д. [10].

Александр I, ознакомившись с передовыми европейскими идеями тюремной организации, озвученными, в том числе и английскими филантропами, братьями Веннингами, проживавшими тогда в России, впервые обратил внимание на организацию работы и обучения заключённых, на улучшение их общего материального и духовного обеспечения [10, С. 360]. Профессор Императорского московского университета С.В. Познышев, именно в религиозных методах воздействия на осуждённых, видел потенциал их дальнейшего исправления и духовного роста. По его мнению, в тюрьмах, основываясь на принадлежности большинства заключённых к определённому вероисповеданию, должны были быть штатные священники. К представителям других вер, священнослужителей можно было приглашать, по мере необходимости. Для более эффективного воздействия, в многочисленных местах заключения, где содержалось более тысячи лиц, предлагалось в штате иметь двух духовных лиц, с признанием одного из них главным. При этом он рекомендовал избегать крайностей в данном вопросе. Частые богослужения, настойчивое навязывание духовной литературы и бесконечные проповеди, могли привести к обратному результату. И только деликатный подход к религиозному просвещению мог иметь положительную динамику и мощную силу [6, С. 174].

При рассмотрении должностных обязанностей священников, которые занимались увещанием и наставлением арестантов и колодников в дореволюционной России, нужно отметить, что законодательное их закрепление

шло только с XIX века. Установление новых правил тюремного режима связывают с появлением Попечительного о тюрьмах общества (далее Общество) (1819 год), но единых инструкций, ввиду слабой материальной базы, для всей страны не было до 1831 года. Устав Общества был первым документом, заботившимся о нравственном состоянии арестантов и колодников через веру и религию. С этого периода при финансировании Общества началось сооружение храмов на территории мест лишения свободы «и православных, и католических, и лютеранских в 1820–1830-х гг.» [6, С. 170]. Отличительной чертой этого периода является полная принадлежность такого рода церквей государству – не только самого строения, но и всего того, что там было [12, С. 291]. Священники просто приглашались для ведения служб, с выплатой сумм из средств Тюремного Комитета (далее Комитет). Как становится видно, этот процесс отражает в себе длительные и противоречивые взаимоотношения Церкви и государства конкретного исторического периода, сопровождающиеся как притеснением религии, так и расширением сфер сотрудничества [3].

Первоначально вход в храм был открыт для всех. Недостаточный надзор в храмах, конфликты «вольных» и арестантов, возникновение «тоски» по свободе у последних привели к изменениям. Отсутствие дисциплины среди арестантов приводило к тому, что они могли массово покидать службу, выходя в коридор, где обсуждали обстоятельства в «расследовании дел, для дальнейшего запутывания и сокрытия правды». Юные преступники получали наставления при таком свободном общении с осуждёнными или находящимися под следствием, что также не способствовало их духовному росту. Первоначальные устные договорённости с конкретными лицами об увеличении надзора и дисциплины в храмах носили временный характер. Сменявшийся в должно-

сти руководитель не оставлял наставлений, и они попросту терялись. Поэтому в 1826 году выходят общие требования о дисциплине и запрете для посещения тюремных храмов не для заключённых. Общая положительная тенденция работы этих храмов всё же привела к тому, что в 1836 году Трубецкой, обратился с ходатайством о повсеместном их строительстве, но уже при финансировании Комитетов. Эта инициатива была поддержана впоследствии и Московским митрополитом Филаретом. «Слово» Филарета на открытии очередного тюремного храма, раскрывало великую их значимость в общем стремлении наставления оступившихся на благо общества [6, С. 171-175].

В действующих храмах осуществлялся контроль над ведением богослужения. Надзору Комитетов подвергались назидания и утешения арестованных, особенно тех, которые подлежали суровым телесным наказаниям, для примирения с суровостью существующих законов. Так, сохранилось обращение Н.И. Дондукова-Корсакова, как представителя Комитета, о том, что назначение священника за день до торговой казни является очень малым сроком для возможного раскаяния преступника. За это очень незначительное время духовное лицо не могло войти в доверие и получить правдивое раскаяние, с возможной информацией об «оговорении совсем невинных». Человек обычно находился в унынии накануне исполнения приговора и не шёл на доверительные разговоры. Это обращение было направлено Генерал-Губернатору с прошением о извещении Комитета о предполагаемом наказании сразу после вынесении приговора, чтобы было время у священника на проведение работы и бесед. Эта «справедливое желание Комитета» было поддержано и с 1840 года начало действовать, приглашая их на ежедневные беседы «в интересах религии и правды» [5, С. 176]. Доходило до того, что

духовников не хватало на всех, а нанимать их большее число не позволяли доходы Комитета. И тогда гражданские начальства начали обращаться к местным Архиереям и Епископам о предоставлении приходских служителей для проведения молебнов, молитвословий и наставлений в воскресные, праздничные дни, а также время Великого поста. Списки священников, участвующих в таких работах, ежегодно обновлялись епархиями. Комитет распределял их, учитывая место их проживания, предоставляя всё необходимое для работы. Кроме установленных атрибутов для ведения служб и проповедей, им выдавались ещё и книги, для записи проведённых мероприятий. Они собственноручно обязаны были вести эти книги, полностью прикладывая содержание проповеди и время. Не все священники стремились посещать тюрьмы. Некоторые избегали таких встреч и бесед. Так, сохранилось прошение Бенкендорфа к духовному началу, о присуждении такого рода священникам «строгих внушений и даже строжайших штрафов» [5, С. 177]. Причём замечания были направлены к представителям не только православия, но и всех других конфессий, которые в половине случаев так же уклонялись от посещений под разными предлогами.

Систематизация разрозненных норм исправительной системы впервые началась при составлении первого издания Свода законов 1832 года и далее уже во втором (1842 года) и третьем Своде (1857 года). Период Великих реформ также сопровождался обновлением и уточнением отдельных томов в 1876, 1883, 1885, 1886, 1887, 1889 годах. Необходимо понимать, что именно региональные и природные особенности развития территорий в большей степени повлияли на правовую регламентацию мест заключения [2, С. 39].

Нормы, регулирующие занятость представителей духовенства в системе исправления были закреплены в разных томах Свода

законов Российской Империи. Так, в III Томе, раскрывающим основы гражданской службы закреплялись требования к представителям духовного ведомства для получения наград, пенсий и т.д. XII Том закреплял требования по воздвижению церквей, в том числе и на территории тюрем. XIV Том, раскрывающий требования к содержащимся под стражей, утверждал возможность наличия тюремных церквей и служения в них штатных священно-церковнослужителей. При этом основания для различных действий должны были подкрепляться всё же конкретными ведомственными указами и докладами [12, С. 129].

Священно-церковнослужители не всегда были готовы к такого рода беседам и проповедям. Они сомневались при выборе направлений разговоров и примеров. Вследствие чего Бенкендорф, при участии духовенства, разработали и утвердили Священным Синодом единые для всей страны «Правила для назидания ссыльных в Сибирь, в обязанностях веры и нравственности, во время следования их к местам назначения» (1842 год). Документ содержал рекомендации для духовных лиц по ведению сострадательных наставлений, без осуждения и оскорблений. Они должны были помочь признать арестантам виновность их поступков перед Богом и поспособствовать их исправлению и дальнейшему духовному росту. Ободряя и утешая лиц, несущих наказание, священно-церковнослужители должны были смягчить временные условия содержания, для дальнейшего спасения души и тела. Любой разговор необходимо было воспринимать как поучение, ссылаясь на примеры из Священного Писания. Дополнительным положительным моментом должно было быть служба и молебное пение. Если человек сопротивляется исправлению, то не нужно было заставлять его. Единственным призывом для сопротивляющихся должна быть просьба о том, чтобы они не мешали верующим людям в их молитвах и

исправлении. Чтобы у священников был стимул в их работе, особо усердных, по установленным Правилам, могли представлять к наградам [4, С. 19], или наоборот не усердно осуществляющих работы – штрафовали.

В большинстве случаев священно-церковнослужители достойно выполняли возложенные на них обязательства. Чаще встречалось равнодушие со стороны тюремной администрации. Для решения этих вопросов Генерал-Губернатором были изданы предписания (1848 год), обязывающие, под личную ответственность администрации, приводить осужденных на богослужение. Исключением могли быть принадлежность к другой вере, болезнь или занятость арестантов на каких-либо работах. Должен был осуществляться контроль за их поведением во время службы, избегая хождения по церкви, разговоров и досрочный уход. Заключённые других вер посещали священнослужители их конфессий.

Дальнейшими изданными были «Правила для руководства священникам при назидании арестованных», которые вышли в 1854 году при побуждении духовных властей А.Н. Муравьёвым [5, С. 180]. В этом документе впервые отмечаются требования к священно-церковнослужителям о наличии высшего духовного образования, наличия опыта работы и отсутствия занятости по Духовному ведомству. Иноверческое духовенство не прерывало своей основной работы, так как таких заключённых, особенно в Центральной части России было не так много. Им Комитетом выплачивались дополнительные суммы на «разъезды пасторам» – от 30 до 100 рублей, в зависимости от длительности дороги. Комитет ежегодно принимал отчёты священно-церковнослужителей, закреплённых за местами исправления. Директор Комитета, обычно относился к духовенству и числился в составе местной духовной Консистории. В отчётных книгах теперь кроме даты и тематики беседы,

уточнялись её цели, методы и предварительные результаты. Так, сохранился отчёт Александра Вавилова, находившегося в штате тюремного замка [1]. Он раскрывает свои должностные обязанности по увещанию, которые он проводит системно в течение всего времени, по отношению к лицам, находящимся под стражей. Подходы к разным категориям арестантов были индивидуальные, основанные на половозрастной характеристике. Для одних использовалось троекратное обращение с поэтапными наставлениями. С разрешения руководства для образованных и способных к пониманию лиц, можно было предоставлять для прочтения книги духовного и нравственного содержания. Были случаи каждодневного посещения лиц.

При этом существовал контроль тюремных священников и с другой стороны. Глава епархии – Епископ, активно принимал участие в обсуждении гражданских должностей, в том числе и кандидатуры штатного священника тюремного замка. Он участвовал в обсуждении целесообразности траты городских доходов, соизмеряя с должностными выплатами, начисляемыми пенсиями и присуждаемыми наградами [4, С. 20]. Епископы наравне с гражданским руководством могли по средам и пятницам посещать места заключения, располагаемые на территории епархии или митрополии. Выявляя уровень нравственного развития, они знакомились и общались со штатными священниками и заключёнными. Во время разговора они могли уточнить причину заключения, контролируя уровень человеколюбия и содержания заключённых. При этом они даже могли в особых донесениях императору сообщать «об отказе в правосудии или превышении полномочий местных начальств» [12, С. 311].

В качестве одной из государственных задач у тюремного священника дореволюционной России была и образовательная функция.

Образование и духовно-нравственное воспитание, особенно юных правонарушителей, находившихся под стражей, было отличительной чертой того периода [11, С. 99]. Увеличивающаяся потребность в образовании проявлялась в том, что арестанты без всякого принуждения стремились к изучению грамоты. По общей статистике того времени около 80% осужденных в тюрьмах были полностью безграмотными. Занятия чаще всего проходили под присмотром смотрителей в столовой. Основываясь на существовавших в то время методиках обучения Золотова или Лермонтова занятия можно было проводить ежедневно с 8 до 10 часов утра. И многие священнослужители, предназначенные на роль учителей, знакомили с ними заключённых. За это дополнительную деятельность предполагались и дополнительные выплаты – 100 рублей одновременно или 240 рублей в течение года. Суммы выплачивались Обществом или через пожертвования.

Таким образом, рассматривая деятельность тюремных священников в дореволюционной России, мы можем отметить их значительный вклад в развитие духовно-нравственный рост и исправление заключённых. В современный период развития государства и права можно констатировать значительное внимание к этому вопросу. Бесценный опыт прошлых исторических периодов может оказаться ценным для современников.

Библиография:

1. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 220. Оп. 1. Д. 85. Л. 1-2.
2. Елисеев А.Л. Вопросы модернизации церковно-пенитенциарной системы России второй половины XIX века / А.Л. Елисеев, Е.С. Матвеева // Заметки ученого. – 2015. – № 1. – С. 38–43.
3. Ливцов В.А. История формирования

духовных начал в образовательной системе России в XVIII веке // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2013. – №6 (35). – С.57–60.

4. Матвеева Е.С. Награждения лиц по духовному ведомству за неслужебные отличия во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Орловской губернии) // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2014. – № 1 (22). – С. 18-22.

5. Матвеева Е.С. Миссионерская и просветительская деятельность русской православной церкви в центральной России второй половины XIX - начала XX века // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 5 (35). – С. 176-184.

6. Никитин В.Н. Тюрьма и ссылка: историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи, со времени возникновения русской тюрьмы, до наших дней, 1560–1880 гг. – СПб.: Типография Г. Шпарварт, 1880. – 674 с.

7. Познышев С.В. Очерки тюремноговедения / 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Г.А. Лемана и Б.Д. Плетнёва, 1915. – 299 с.

8. Проханов И.С. О мерах духовного исправления в церквях евангельских. – М.: Издательство Ирпенской Библейской семинарии, 1911.

9. Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством (к вопросу о вытерпимости). – М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и К, 1905. – 130 с.

10. ПСЗРИ. – СПб., 1830. Т. 29. №20553.

11. Ринкер Ф., Майер Г. Библейская энциклопедия Брокгауза. – М.: Российское Библейское Общество, 1999. – 1432 с.

12. Русская Православная Церковь и пенитенциарная система в новейший период истории России: монография / А.Р. Павлушков; Федеральная служба исполнения наказаний,

Вологодский институт права и экономики. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2017. – 225 с.

13. Суворов Н.С. Учебник церковного права. – М.: печатня А.И. Снегиревой, 1908. – 348 с.

References:

1. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti [State Archives of the Oryol Region] (GAOO). F. 220. Op. 1. D. 85. L.1-2. (In Russ.).

2. Eliseyev A.L. (2015) Voprosy modernizatsii tserkovno-penitentsiarnoy sistemy Rossii vtoroy poloviny XIX veka [Questions of modernization of the church-penitentiary system of Russia in the second half of the XIX century] / A.L. Eliseyev, E.S. Matveyeva // Zametki uchenogo. – №1. – S.38–43. (In Russ.).

3. Livtsov V.A. (2013) Istoriya formirovaniya dukhovnykh nachal v obrazovatel'noy sisteme Rossii v XVIII veke [The history of the formation of spiritual principles in the educational system of Russia in the 18th century] // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novyye gumanitarnyye issledovaniya. – № 6(35). – S.57–60. (In Russ.).

4. Matveyeva E.S. (2014) Nagrazhdeniya lits po dukhovnomu vedomstvu za nesluzhebnyye otlichia vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka (na materialakh Orlovskoy gubernii) [Rewarding persons in the clerical department for unofficial distinctions in the second half of the 19th - early 20th centuries (based on materials from the Oryol province)]// Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii. – № 1(22). – S.18-22. (In Russ.).

5. Matveyeva E.S. (2014) Missionerskaya i prosvetitel'skaya deyatel'nost' russkoy pravoslavnoy tserkvi v tsentral'noy Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. – №5 (35). – S. 176-184. (In Russ.).

6. Nikitin V.N. (1880) Tyur'ma i ssylka: istoricheskoye, zakonodatel'noye, administrativnoye i bytovoye polozheniye zaklyuchennykh, peresyl'nykh, ikh detey i osvobodivshis' iz-pod strazhi, so vremeni vozniknoveniya russkoy tyur'my, do nashikh dney, 1560–1880 gg. [Prison and exile: the historical, legislative, administrative and everyday situation of prisoners, transit people, their children and those released from custody, from the time of the Russian prison to the present day, 1560-1880]. – SPb.: Tipografiya G.Shparvart. – 674s. (In Russ.).

7. Poznyshev S.V. (1915) Ocherki tyur'movedeniya [Essays on Prison Science] / 2-ye izd., ispr. i dop. – M.: Izdatel'stvo G.A. Lemana i B.D. Pletnova. – 299s. (In Russ.).

8. Prokhanov I.S. (1911) O merakh dukhovnogo ispravleniya v tserkvakh yevangel'skikh [On measures of spiritual correction in the churches of the evangelical]. – M.: Izdatel'stvo Irgenskoj Bibleyskoj seminarii. (In Russ.).

9. Prugavin A.S. (1905) Monastyr'skiye tyur'my v bor'be s sektantstvom (k voprosu o vstroterpimosti) [Monastic prisons in the fight against sectarianism (on the issue of tolerance)]. – M.: Tipolitografiya Tovarishchestva I.N. Kushnerev i K. – 130s. (In Russ.).

10. PSZRI. – SPb., 1830. T. 29. №20553. (In Russ.).

11. Rineker F., Mayyer G. (1999) Bibleyskaya entsiklopediya Brokgauza [Brockhaus Bible Encyclopedia]. – M.: Rossiyskoye Bibleyskoye Obshchestvo. – 1432s. (In Russ.).

12. Russkaya pravoslavnaya tserkov' i penitentsiarnaya sistema v noveyshiye periody istorii Rossii: monografiya [The Russian Orthodox Church and the penitentiary system in the modern period of the history of Russia: monograph] / A.R. Pavlushkov; Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazaniy, Vologodskiy institut prava i

ekonomiki. – Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2017. – 225s. (In Russ.).

13. Suvorov N.S. (1908) Uchebnik tserkovnogo prava [Church law textbook]. – M.: pechatnya A.I. Snegirevoy. – 348s. (In Russ.).